

Тяжёлые облака нависли над склонами. Температура понизилась, и сначала редкой, а вскоре плотной завесой вершину горы Заглавак атаковал снег. Ветер усилился. Виктор, в это время дежуривший на посту, стал беспокойно оглядываться вокруг. «Не видно ни зги», — пронеслось у него в голове. Соседнюю гору и лес, покрывавший её, также скрыла снежная пелена. Под ней пропал второй русско-сербский пост. Связь нулевая. А ну как пожалует кто в гости, а мы не звали? Мысли беспокойно метались в голове Виктора, руки напряжённо сжимали автомат. Сон, в который погружалось сознание, пока тучи ползли к горе, отступил: «Сняло как рукой», — промелькнула ещё одна мысль. Глаза ломило от напряжённого всматривания, но, насколько хватало взора, везде была белая снежная стена с пятнами размытых на ней деревьев, обильно занявших окружающий ландшафт. «Разбудить ли остальных?» — думал Виктор.

Там в сооружении, которое здесь гордо называли блиндажом, а у нас в России называли бы землянкой, спали утомлённые дневной работой семь человек — суточная смена корпуса вишеградских защитников. Желько из них самый старший. Ему за пятьдесят, местный житель, родившийся в Вишеграде. Как он часто горько шутил: «Здесь родился, здесь же и помру». Алексей, или, как РДО-шники (бойцы Русского добровольческого отряда) называли его, Василич, приехал на войну в Боснию из Томской области. Бывший геолог, работающий парень, прошёл срочную службу в рядах Советской армии, сейчас продолжает служить, но в армии Республики Сербской. Костя, молодой двадцатилетний парень, живёт с мамой в Москве. В Вишеграде

меньше месяца. Сначала ездил по всей территории Республики Сербской со строительными отрядами, восстанавливал разбомблённые мосты, теперь сам решил поучаствовать в военных действиях. Сюда же приехал ещё один персонаж нашей истории — Николай, но в отряде его кличут Мыколой. Родом он из-под Винницы (теперешняя независимая Украина), высокий, широкоплечий, статный, с охажкой волос соломенного цвета. Следом шёл худощавый очкарик Саша, которого, по персонажу комедий Гайдая, русские добровольцы прозвали Студентом или Шуриком. «Что вы делаете, Шурик?» — «Я вас краду». Он действительно бывший студент, а теперь дипломированный специалист, закончивший исторический факультет МГУ. Драго, молодой двадцатидвухлетний племянник Желько, приехал из Подгорицы, как только в Боснии и Герцеговине началось противостояние и зазвучали первые выстрелы. Драго — чернявый, с полутурецкой внешностью, как и большинство сербов. Последним представителем смены, дежурившей в эту ночь на Заглаваке, был житель культурной столицы России Пётр, получивший от местных «умельцев» прозвище Первый, с намёком на царя, при котором эта самая культурная столица и была возведена. Все они мирно спали в относительно тёплом блиндаже, а Виктор вглядывался в окружающий пейзаж и думал свою думу.

Вниз по склону на кустарнике была натянута верёвка с насаженными на неё пустыми жестяными банками, но в эту ночь, да при такой погоде, «сигналка» была неэффективна: банки ежесекундно выбивали «чечётку», и понять, ветер ли их беспокоит или ещё кто, было невозможно.

Человек привыкает ко всему, привык и Виктор, успокоившись. За исключением непогоды, лес на Заглаваке был тих. Веки сами собой начали тяжелесть, отправляя часового в такой желанный сон. Ему приснилась его «двушка» в хрущёвке на окраине Смоленска. Точнее, её кухня. Мама заваривает кофе в железной турке, а он сам, старшеклассник, усердно делает вид, что собирается в школу, но на самом деле его тешат два билета в кино, лежащие в нагрудном кармане куртки. Один из них — для девочки Вики, с которой он сидит уже как год за одной партой. Ретроспектива. Вот та самая девочка Вика, уже повзрослевшая, и Виктор с ней во Дворце бракосочетания в окружении родственников и друзей. «Согласны ли вы взять Викторю в жёны?» — «Да, согласен». Ах, как же прекрасно: Виктор и Викторя. Опять ретроспектива. Вика везёт в коляске

трёхмесячного Николая Викторовича. А затем эти слёзы: «Витя, зачем тебе туда ехать? Что я буду делать, если тебя убьют?»

Сознание вываливается обратно в действительность. Снежная буря практически стихла. Рассвет теплится, и чёрные ночные краски уступают место серым. «Заснул! — пронеслось у Виктора в голове, а затем: — Что меня разбудило?» Ответ слишком очевиден: «Выстрел! Я слышал выстрел!» Да нет же! Всё тихо. Лес не шевелится, и даже бряканья банок не слышно. «Не может быть! Приснилось», — отгонял он от себя тревожные мысли. Может. В глубине леса на склоне противоположной горы в сторону второго поста раздался резкий громкий хлопающий звук, затем ещё один и ещё. А потом, захлёбываясь, залаял пулемёт, выбивая короткие трели: «Та-та-та-та-та». Набат стучал в голове Виктора, набат застучал тревожным гортанным рыком, перешедшим в осипший от холода голос: «Вставайте!» Внизу по склону появились тени в маскировочных халатах, с предательски выдававшими на фоне белого снежного покрова шапками, рукавами и ботинками: «Тута мы!» РДО-шники выпрыгивали из землянки как чёртики из табакерки — один за другим. Оказавшийся рядом с Виктором Василич обронил: «Бошняки пожаловали!» — и опрометью кинулся вниз по склону занимать выгодные позиции, отдавая свою волю жажде встречи с неприятелем. Людей в маскировочных халатах в подоле Заглавака прибавлялось. Уже человек двадцать, практически пригнувшись к скрытой снежным настилем земле, уверенно продвигались вперёд, в сторону блиндажа и позиций добровольцев. Откуда-то справа прошла автоматная очередь, заставившая незваных гостей пригнуться к земле и на некоторое время замереть. Виктор легонько побил себя по щекам тыльной стороной руки и, удостоверившись, что сон о воспоминаниях мирной жизни окончательно отступил, забежал в землянку. Там он схватил цинковый ящик с патронами, лежавший на нагромождении деревянных коробов, служащих для бойцов подобием стола, и, сунув его под мышку, устремился обратно. Тем временем дуэль на Заглаваке уже была в разгаре. Русско-сербский отряд, заняв позиции на склоне, отчаянно отбивался от наседающих снизу и пытающихся обойти с флангов «бошняков» (бойцов армии Боснии и Герцеговины). Очереди стригли кустарник, уродовали стволы деревьев, но до людей пока не добрались. Плотного контакта на линии соприкосновения ещё не было. Костя подносил патроны, а Студент Шурик

давил на гашетку пулемёта. Уверенность боснийских бойцов таяла на глазах, когда они попадали под шквальный ответный огонь сербов и русских, но силы были явно неравны. Между позициями бойцов Республики Сербской бегал Василич и отдавал короткие распоряжения. «Бошняки» пытались его «сре-зять», однако Алексей в эти минуты боя казался неуязвимым. «Ты что встал как вкопанный?! — обрушился Василич на Викто-ра. — Быстро на свою позицию!» Спустя несколько мгнове-ний Виктор уже плюхнулся в грязную лужу, в которую за ночь превратился одиночный окоп-углубление на точке обороны Заглавака. Под пулями он, поддев крышку цинкового ящика ножом, вытасненным из петли камуфляжной брючины, сорвал её — теперь можно оттуда вынимать патроны при перезаряд-ке. Из своего незамысловатого укрытия Виктор отчётливо ви-дел подножие склона, но достать непрошенных гостей пока не представлялось возможным. Убедившись, что голыми руками РДО-шников не взять, боснийские соединения мало-помалу стали смещать огонь на правый фланг обороны Заглавака, в воздухе засвистели мины. Их разрывы пока не причиняли вре-да и ложились чуть в стороне. «Не лежать, менять позиции!» — прогремел чуть с хрипотцой от надрыва связок голос Василича. Действительно, противник прощупывал огневые точки — сле-дующий свистящий «комплект» прилетел точнее и ударил по передней линии окопов; правда, защитники Заглавака успели отойти, и огонь никого не достал.

Костя и Саша Студент подхватили пулемёт вместе с лентами и поспешили перебраться в соседнее пулемётное гнездо. В возду-хе опять засвистело, и вместе с разрывом мины Студента, бежав-шего первым, отбросило в грязь лицом. Подняв голову и отерев со щёк кашу из земли и снега, Саша потянул на себя пулемёт, но что-то не пускало. Голова у него шла кру́гом, перед глазами рас-плывались чёрные круги: «Знатно шарахнуло». Шурик, пере-крывая гул боя, позвал товарища: «Костя... Костя, что там такое?» Костя не отвечал. Студент перевернулся на спину, чуть припод-нялся на трясущихся локтях и увидел Константина, лежавше-го неподвижно лицом вниз. «Ты чего это? — обратился к нему Студент. — Ты чего лежишь? Чего разлётся?! Вставай!» Костя не отвечал: над правым ухом, пробив каску, зияло небольшое отвер-стие, из которого струилась алая полоска крови. Студент ещё не успел осознать произошедшего, а рядом с ним в грязь уже при-землился Василич. «Быстрей! Быстрей! Бошняки нас с фланга

обошли!» — он орал и махал руками, тем самым пытаясь подогнать ребят, но, увидев Константина, осёкся. «Желько! Желько!» Через какое-то время, которое Студенту показалось вечностью, серб, что был постарше, оказался здесь же, рядом с командиром. «Где ты ходишь?! — накинулся на него Василич. — Зови своего племянника, выносите Костю в тыл!» Сербы не медлили.

За то время, пока Желько с Драго вытаскивали Константина с поля боя, Саша с помощью Василича установил пулемёт на новой позиции и стал отгонять наседавшие «бошняцкие» формирования вниз по склону. Гости тем временем уже полностью простреливали расположение защитников Заглавака, и русские ребята жались к земле, что позволило боснийцам подойти практически вплотную. О чём-то зывали их гортанные выкрики, смешиваясь с ненавистью к той жалкой кучке «русов», что на последнем издыхании держала вершину. Виктор чувствовал их приближение нутром. В голове заиграл новый набат, но этот набат выпиливал панические нотки: «Жить! Я хочу жить!» Главное — не побежать, главное — не дрогнуть, не струсить. И в эту минуту где-то внутри открылось то самое далёкое, но такое заветное, такое родное, то, что встало против гортанного заклинания «бошняков» во весь рост плотной стеной, могучей завесой. Губы Виктора сами собой зашевелились: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных!» И в эту минуту будто всё его внутреннее состояние выплеснулось наружу и передалось защитникам: вот Студент из последних сил давит на гашетку захлёбывающегося пулемёта, остригая ветки кустарника вниз по склону; вот Первый бьёт короткими очередями по подступающим солдатам боснийских соединений, укрываясь меж стволами деревьев; вот Мыкола в спешке срывает чеку с гранаты и резким коротким размахом забрасывает её по дуге за шиворот непрошеным гостям, раздаётся глухой взрыв, и на некоторое время атака «бошняков» захлёбывается. Василич, полусогнувшись, мечется между позициями РДО-шников, отдаёт распоряжения. Лишь благодаря его умелой координации русских ещё не окружили и не сбросили с высоты. Видимо, это понимают и нападавшие: начинает работать снайпер. Пуля должна была достать командира, и она достала его. Одно мгновение отделило жизнь от смерти. Алексей лежал, опрокинувшись навзничь, широко раскинув руки, стремясь обнять висевшие над горой тучи, в плотную серую массу которых он устремил свой остекленевший взгляд.

«Бошняки», пытаясь не упустить схваченную за хвост удачу, с новой яростью полезли на вершину. Казалось, вот-вот дрогнут защитники: патроны на исходе, командир убит, вокруг смерть, которую несут девятиграммовые (если верить песне) куски металла, но Заглавак не взят, и он не будет взят. Эта мысль сидела прочно не только в голове Виктора, она передалась другим РДО-шникам. Стволы раскалены, автоматы клинит, патроны подходят к концу, склоны неприступной горы обильно покрыты грязной красно-чёрно-белой жижей, в которую ложатся наступающие боснийцы, одетые уже не в белые маскировочные халаты, а в грязные тряпки.

Виктор ведёт огонь по «бошнякам» и тихо молится, прощаясь с девочкой Викой и Николаем Викторовичем, с таким далёким сейчас родным городом и со своими воспоминаниями.

Сознание не сразу улавливает перемену. Откуда-то с правого фланга появляются люди, которые начинают нещадно бить по атакующим формированиям. Шальная мысль пронесётся у Виктора в голове: «По своим бьют, сейчас разберутся, и тогда нам конец! А их там много!» Но не тут то было, кокарды и шевроны вновь прибывших выдают русский казачий отряд и подразделения армии Республики Сербской. «Не дрейфь, Витя! Сейчас ещё сербы вдарят!» — раздаётся за спиной весёлый голос. Вместе с этим голосом выплывает задорная бородатая физиономия под высокой чёрной казачьей папайхой — это Пашка, боец Донского казачьего войска, из добровольческого батальона. «Наши пришли!» — облегчённо вздыхает подсознание. В подтверждение слов казака со стороны Вишеграда «заухала» сербская артиллерия. Снаряды ложатся плотно и точно по подолу Заглавака. Нападавшие зажаты и в панике отступают.

Бой стихал и скатывался с горы к её подножию. «Бошняки» в спешке отходили. Виктор лёг на спину и устремил свой взор в небо, которое в этот момент очистилось от туч. «Какое бескрайнее, глубокое здесь небо,— думал Виктор.— Смотришь на него — и тонешь в его лазури». Он вспомнил детство, деревенский луг, солнечный день, и тогда вот так же он лежал и смотрел на небо. Проплывали облака, пролетали птицы, а он смотрел и никак не мог поверить, что всё это существует, вся эта красота, всё это великолепие глубины и голубизны, и так же, как и тогда, сейчас очень хотелось жить.

«Ты чего лежишь? Ранен?» — в поле зрения показалась белая сухая копна волос Мыколы. «Нет, я в порядке», — тихо ответил Виктор. «Вставай, не лежи, на войне лучше умереть от пули, чем от воспаления лёгких». Виктор медленно поднялся. Земля вокруг, насколько хватало взора, была изрыта, разбита, представляла собой лунную поверхность, за которую цеплялись защитники. «Мы живы! — пронеслась мысль в голове Виктора. — Мы всё ещё живы!» Она поднималась выше бруствера, выше землянки, выше кустарников, выше верхушек деревьев, выше полёта птиц, выше летящих где-то там самолётов и устремлялась в то самое бескрайнее, глубокое небо, в ту самую лазурь. «Мы живы! Живы!»

Двенадцатого апреля 1993 года боснийские формирования атаковали позиции РДО на горе Заглавак и горе Столац с целью захвата доминирующих высот и последующего вытеснения формирований армии Республики Сербской из Вишеграда. На горе Столац бой приняла русско-сербская смена из десяти человек, на горе Заглавак — смена РДО из девяти человек. Потери армии Республики Сербской за шесть часов боя составили восемь человек убитыми: трое русских, пять сербов. На горе Заглавак погиб Константин Богословский, на горе Столац погибли Владимир Сафонов и Дмитрий Попов, имён сербских героев я не знаю. Тяжёлое ранение в голову на Заглаваке получил Александр Кравченко (прототип в рассказе — Василич). Столац был захвачен, а отбит спустя сутки (на следующий день). Заглавак «бошнякам» захватить не удалось. По перехваченным данным, в этом бою нападавшие потеряли около восьмидесяти человек убитыми и более сотни ранеными (ещё раз обращаю внимание, что данные были получены с противоположной стороны). В этом бою погиб командующий боснийской бригадой.

В 2003 году двенадцатое апреля отечественный Союз добровольцев провозгласил Днём памяти русских добровольцев, за свободу братских народов живот свой положивших. Теперь и ты, дорогой читатель, знаешь об этом подвиге русских людей. Не забывай эту дату, ведь ты один из тех, кто принадлежит великой России — нашей Родине. Твоя земля пропитана духом сильных людей, победителей, воинов и тружеников, готовых всегда протянуть руку помощи.